

Угол и овал в поэзии Павла Когана

© Л. Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук

*Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!*

П. Коган

В статье рассматривается известная фраза Павла Когана, ставшая символом бескомпромиссной жизненной позиции и даже вошедшая в словари крылатых выражений, а также приводятся тексты других поэтов, явившиеся откликами на стихотворение «Гроза», в котором эта фраза появилась впервые.

Ключевые слова: Павел Коган, фраза-символ, угол – овал.

Поэтическая декларация Павла Когана не менее известна, чем его знаменитая «Бригантина». Самое удивительное, что это заявление не имеет никакого отношения ни к воспоминаниям о детстве, ни к авторским пристрастиям к геометрическим фигурам, а завершает картину грозы в одноименном стихотворении (1936). А начинается оно «косым, стремительным углом», «ветром, режущим глаза» и «переломившейся ветлой» – именно так «на землю падала гроза». Она громом возвещает весну, звенит в траве, с размаху вышибает двери и мчится «в стремительность и крутизну», которые передаются короткими, отрывистыми фразами – «И вниз. К обрыву. Под уклон. К воде» – и сплошные муж-

ские рифмы тоже подчеркивают эту быстроту. И вдруг бег замедляется – в «беседке из надежд»,

Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло,
Далёко, может быть, в края,
Где девушка живет моя.

За лирическим эпизодом опять следует пейзаж с раскачивающимися соснами и задохнувшейся грозой, упавшей в кусты «выводком галчат». И наступает тишина.

И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.
И снова мир,
Как равнодушие, как овал.

Это сравнение кажется неожиданным и парадоксальным. А зачин отзывается в финале: «косой, стремительный угол» грозы превращается в рисунок угла, противопоставленного овалу. Так поэт ассоциирует угол с образом грозы, крутой и стремительной, с разбушевавшейся стихией, а овал – с успокоенностью, умиротворением и даже с равнодушием, подобно лермонтовской антитезе: буря – покой.

Возможно, П. Когану припомнились описания грозы в сборнике Б. Пастернака «Сестра моя, жизнь», в стихотворениях «Наша гроза» и «Гроза, моментальная навек», 1919, в которых тоже участвовала живая и неживая природа (деревья и травы, птицы и насекомые), упоминались гром и глаза и было обращение к возлюбленной: «О, верь игре моей...». Однако главное действующее лицо у Пастернака не режущий, ломающий все на своем пути ветер, как у Когана, а слепящие молнии, сжигающие все вокруг: «Гроза, как жрец, сожгла сирень». А вместо утекающих песен – стихи, вбирающие в себя радость любви. Но концовки также непредсказуемые: в одном стихотворении борьба с алфавитом, в другом «углы рассудка» (взамен когановского косоугольного угла грозы): «Вот, казалось, озарятся / Даже те углы рассудка, / Где теперь светло, как днем!»

В чем-то перекликается с пастернаковской грозой, которой «неба мало» и которая пробуждает любовь и поэзию, стихотворение Н. Заболоцкого «Гроза» (1929). В нем вначале описывается ожидание и приближение грозы: тень тучи ложится на траву, промелькнула зарница, «в небе облачный вал», низко летают птицы. Затем сверкают молнии, гремит гром, и обрушивается ливень. Казалось бы, ничего нового, необычного. Почему же «Гроза» произвела на читателей огромное впечатление и имела шумный успех? Может быть, потому, что природа у Заболоцкого не просто одушевлена, а полностью уподоблена человеку, чувствует и

ведет себя по-человечески: зарница содрогается от мук, «травы падают в обморок», «сияющий дождь на счастливые рвется цветы», слышится «человеческий шорох травы» (у Когана «устало высохла трава»). А сама гроза с ее молниями и громом – это рождение мысли («молния мысли») и «слов на родном языке»: «И, играя громами, в белом облаке, катится слово». Вспомним тютчевский гром, который, «как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом».

Конечно, П. Коган знал стихи поэтов-предшественников о грозе, но создал свою, оригинальную картину и выбрал другие аналогии и ассоциации, сопоставив явления природы не только с абстрактными понятиями и психологическими свойствами, но и с собственным характером. Ведь поэт Давид Самойлов, друживший с ним, вспоминал, что характер у Павла был трудный, угловатый, прямолинейный.

А финальные фразы когановской «Грозы», став популярными, вызвали немало откликов, поэтических и полемических. Одним из них было стихотворение Наума Коржавина «Меня, как видно, Бог не звал...» (1940) с эпиграфом об овале и угле и в том же размере (4-стопный ямб), с рифмой *рисовал – овал*, но со сменой рифмовки (не абаб, а АБАБ и одной дактилической «утонченный – законченный»). Сохранив противопоставление угла и овала, начинающий стихотворец вложил в него совершенно иной смысл: овал – символ совершенства и гармонии, а угол означает противоречия, горести и беды: «вставал ко мне углами мир, не похожий на овал».

Но все углы, и все печали,
И всех противоречий вал
Я тем больше ощущал,
Что с детства полюбил овал.

По мнению критиков, это было «программное произведение» Коржавина, свидетельствовавшее о его «обостренном восприятии болей и бед мира» (И. Коган). И через 50 лет постаревший поэт подтвердит свой ранний манифест, утверждая, что стихи становятся поэзией, если «они прорываются к гармонии через дисгармонию бытия».

На тему овала и угла стали сочинять шуточные стихи и пародии. Так, А. Эйдман обыграл эту тему следующим образом:

Когда-то был я глуп и мал
Фигуру не любил – овал
В углу стоял, стоял, стоял
И этот угол рисовал.

Когда овалом от ремня
По попе хлопали меня,
Сквозь слезы истоиво шептал:
«Милее угол, чем овал...».

В том же 2009 году поэт Виктор Пицман написал стихотворение на эту тему, в котором есть такие проницательные строки:

Тот с детства не любил овал;
А тот любил их с детства.
Но каждый все ж поэтом стал
Фигуры той посредством.

Мотив любви-нелюби к углу и овалу превратился в крылатое выражение, вошел в быт и применяется по отношению к тем, кто весь состоит из углов и бросается из одной крайности в другую, или к тому, кто уравновешен, умеет сглаживать углы и готов к компромиссам. Мог ли предполагать такую популярность своих строк в будущем Павел Коган? Вряд ли. Но вот Д. Самойлов, говоря о поэтическом даре своего друга, заметил: «В пророческом свойстве поэзии нет ничего туманного. Поэт – ясновидец, если он ощущает точность времени. Тогда в его слове – судьба».

*Цфат,
Израиль*